

МИЛЛИАРДЕР ТОМАС КАПЛАН О РЕМБРАНДТЕ, НЕИЗВЕСТНЫХ ГОЛЛАНДЦАХ И ВЫСТАВКЕ В ЭРМИТАЖЕ

ВАДИМ ШУВАЛОВ ЗРЕЛИЩА
5 сент., 2018

В Эрмитаже 5 сентября открылась выставка «Эпоха Рембрандта и Вермеера. Шедевры Лейденской коллекции». 82 картины голландских художников XVII века (две главные звезды — Рембрандт и Вермеер — в названии проекта) принадлежат американскому бизнесмену Томасу Каплану и его жене Дафне и собраны всего за 15 лет.

Выставка представляет примерно треть их самого большого в мире частного собрания золотого века голландской живописи. Оно названо «Лейденской коллекцией» в честь Лейдена — родины Рембрандта и «малого голландца» Геррита Дау.

«Город 812» расспрашивал Томаса Каплана про старую живопись и современную публику.

Справка. Томас Каплан (1962) — американский миллиардер, на июль 2018 года его состояние оценивается в один миллиард долларов. Он специализируется на инвестициях в добычу драгоценных металлов и консалтинге. Каплан — коллекционер и филантроп, основатель фонда по защите диких кошачьих. Собранная им «Лейденская коллекция» включает более 250 картин и рисунков художников, созданных между 1620 и 1700 годами.

Про живопись

— В Голландии в XVII веке вдруг появился огромный интерес к живописи. Тысячами художников были написаны миллионы картин. А знаем мы из этих тысяч немногих.

— Это был удивительный феномен творческого энтузиазма. 3-5 миллионов картин были созданы в стране, где проживали всего несколько миллионов человек.

Конечно, лишь небольшая часть всего этого на сегодня считается значимым. Но этот взрыв активности навсегда изменил мир искусства. Рембрандт, на мой взгляд, был самым главным художником того времени. Анри Матье как-то сказал, что Рембрандт был первым художником, которому удалось затронуть душу. Это субъективное суждение, но я с ним согласен.

Рембрандт переосмыслил классическое понятие красоты и дал свободу художникам, которые с тех пор сами имеют возможность определить для себя, что есть прекрасное. Генетический посыл Рембрандта вдохновил Гойю, Ван-Гога, Пикассо, Френсиса Бэкона, современных китайских художников.

— Почему золотой век голландской живописи был таким недолгим — всего около полувека?

— Это характерно для мира живописи, появился гений, который вдохновлял многих. А потом всплески затухают. Рембрандт и Вермеер считаются сейчас главными фигурами того времени.

— Могут ли со временем сместиться акценты, появятся другие имена?

— Карел Фабрициус был на пути к достижению качества Рембрандта. Это был самый талантливый его ученик. Возможность приобрести картину Фабрициуса — невероятная удача.

Ян Ливенс был равен Рембрандту, когда они делили мастерскую в Лейдене. Но 1632 году Рембрандт уезжает в Амстердам, он популярный портретист, деньги дают ему свободу и он пишет «Миневру». Она показана на выставке. Это начало его пути к величию и трансцендентности, которую мы видим на протяжении веков.

Если бы Ливенс умер молодым, то возможно о нем бы говорили как несостоявшемся Рембрандте. «Мальчик в тюрбане» из нашего собрания — тому свидетельство, Эрмитаж использует эту картину как «лого» выставки.

Но Ливенс уехал в Лондон, намереваясь стать придворным живописцем. Он стал работать в мастерской Ван-Дейка и утратил страсть и драматичность.

Про коллекционирование

— Считается, что музей, особенно государственный, более правильное место для хранения шедевров, чем частная коллекция (особенно если ее владеют наследники художника) судьба которой непредсказуема. Так ли это на самом деле?

— Скажу про нас. Наша задача — извлечь произведения искусства из таких частных собраний и сделать доступными публике.

— Если бы картины, которыми вы владеете, попали бы в большие музеи, то многие осели бы фондах, изредка появляясь на выставках? Или я не прав?

— Все зависит от музея. В Эрмитаже хватает Рембрандта, но думаю, что мои картины были бы у него в постоянной экспозиции.

— Частное собрание обычно отражает вкус владельца. Музейное, особенно если музею много лет, считается объективно отражающим историю искусства. Так ли это?

— Лейденская коллекция отражает наши вкусы, но мы глубоко погружаемся именно в это время.

— Коллекционер со временем при настойчивости и удаче может сравниться с лучшими музеями, если не по количеству, то по качеству произведений искусства?

— Это и есть наша цель, не так много музеев имеет столько картин Рембрандта и его школы. Во многих музеях нет Вермеера, Карла Фабрициуса. Это вызов для коллекционера.

Нам невероятно повезло. Удача превалировала над мудростью и другими рациональными вещами. В искусство Рембрандта я влюблен с 6 лет, когда впервые его увидел. Когда я начинал коллекционировать, не думал, что мне удастся приобрести хотя бы одну работу Рембрандта. Сейчас у нас их 14 — почти половина из того, что находится в частных собраниях.

— А вторая половина?

— Ее не выпустят из рук владельцы.

— Как вам удалось собрать столько работ Рембрандта?

— 15 лет назад мне продавали работы Рембрандта по цене меньшей, чем цена работ Энди Уорхола. При том, что в природе существует 70 тысяч работ Уорхола и всего 350 — Рембрандта. Но у нас была любовь и страсть к Рембрандту и голландцам, а у других ее не было. Мы собирали то, что нам нравится, покупали по картине в неделю. Над нами шутили — вы собираете, как Екатерина Вторая.

— Вас не подозревали в инвестировании?

— Никогда не слышал о таком мнении, и мы сами не думали так. С одной стороны, я не думал, что мы совершаем финансовую ошибку, но с другой, и не думал о покупке картин как инвестициях.

Сейчас интерес к старым мастерам стал расти. Собрать такую коллекцию, как наша, невозможно. Но можно собирать других старых мастеров.

— Кого, например?

— Удивительно, но Веласкеса до сих пор можно найти. Эль-Греко, Тициана... Есть возможность проявить себя любителям старых мастеров.

— Можно ли говорить, что ваши приобретения вывели картины голландских мастеров из небытия?

— Определенную роль мы сыграли в реабилитации Яна Ливенса и более заметную роль для «тонкой» живописи — Геррит Дау, Готфрид Шелтон, Фердинад Болл. Для Карела Фабрициуса мы, конечно, сделали меньше, чем роман Донны Тартт «Щегол».

— Если к вам попросится исследователь голландского искусства, который сомневается в подлинности каких-то произведений, пустите его?

— Да, пусть работает. Чем больше мы будем знать о наших картинах, тем лучше.

Ян Вермеер. Девушка за вёрджинелом

— Коллекционирование не мешает работе? Случалось ли так, что вы заняты важным проектом, и в это время звонит дилер?

— Такое случалось. Решение принимаем сразу. Однажды я был по делам в Пекине, мне пришлось уйти с совещания, чтобы завершить сделку по приобретению картины Вермеера «Девушка за верджинелом» и автопортрета Рембрандта, которые продавались в Лас-Вегасе.

Я абсолютно уверен, что на этот звонок надо было ответить. Это единственный Вермеер в частной коллекции.

— Китайские партнеры не обиделись?

— Совсем нет.

Про публику

— Как вы думаете, зачем люди ходят в музеи?

— По разным причинам. Думаю, что одни — за красотой. Многие люди, чтобы считать себя культурными, хотят все видеть своими глазами. Некоторые вдохновение черпают в

том, что видят. Наконец, некоторые ищут утешение в нашем тяжелом, временами злом мире.

Красота — это истина, которая соединяет. Я считаю, что Достоевский был абсолютно прав, когда говорил, что красота спасет мир. Это не наивная фраза. Когда Солженицын впервые услышал ее, то был удивлен и недоумевал. Но позже согласился с Достоевским.

— Ажиотаж — это хорошо или плохо?

— Думаю, что если выставка делается для того, чтобы познакомить людей с искусством, то это нормально.

— Почему выставки старых мастеров пользуются большей популярностью, чем искусство даже XIX века, не говоря уже про XX?

— Потому что есть волшебные имена — Леонардо, Рембрандт... Публика знает, что это важные художники. Если хотите, в ДНК зрителей заложено — это то, что надо увидеть.

— Если воспользоваться вашим образом, Уорхол волшебным художником не станет?

— Слишком рано сейчас об этом говорить. Для собирателей Уорхола — он уже волшебный. Но кто знает, кем будет считать его публика через сто лет.

В золотой век голландской живописи были тысячи имен. Если выжил хотя бы один процент, то уже хорошо. Время является судьей. Рембрандт и Вермеер прошли проверку временем. Что касается Уорхола — может быть.

Питер ван Лар. Автопортрет с атрибутами занятий магией.

— Мешает ли восприятию искусства старых мастеров привычка современных молодых людей жить в виртуальном мире?

— Не знаю. У меня трое детей. Младшему 8 лет, он лучше меня разбирается в новых технологиях. Я — историк по образованию, мне понятнее и ближе прошлое.

— В России стали популярными виртуальные выставки. В специально созданном пространстве показывают мультимедийную инсталляцию, представляющую например, все известные шедевры импрессионизма. В реальности собрать их вместе невозможно. Как вы относитесь к подобным проектам?

— Думаю что это правильно.

— И вы согласились бы участвовать в подобном проекте?

— Если бы наша коллекция была дополнена другими частными собраниями голландских мастеров. Например, весь Рембрандт из частных собраний.

— Как вы представляете себе идеального зрителя для вашей коллекции?

— Не думаю, что должен быть какой-то идеальный посетитель. У людей много разных причин приходить в музеи. И я не стану делить их на категории — идеальные, случайные и т.д.

Вадим Шувалов

На заставке — Рембрандт Харменс ван Рейн. Минерва. 1635

Gorod812	5 September 2018	Vadim Shuvalov
“Billionaire Thomas Kaplan on Rembrandt, the ‘Unknown Dutchman’ and the Exhibition at the Hermitage”		
<p>On September 5th, a new exhibition opened at the Hermitage: “The Age of Rembrandt and Vermeer: Masterpieces of The Leiden Collection.” The 82 paintings by 17th century Dutch masters (including the two stars highlighted in the title) belong to American businessman Thomas Kaplan and his wife Daphne Recanati Kaplan, who have assembled their collection in just 15 years.</p> <p>The show presents roughly a third of the world’s largest private collection of paintings from the Dutch Golden Age – The Leiden Collection, named after the birthplace of both Rembrandt and the “Fijnschilder” Gerrit Dou.</p> <p>Gorod 812 sat down with Thomas Kaplan to discuss Old Masters paintings and the modern public.</p> <p style="text-align: center;">~</p> <p>Background – Thomas Kaplan (1962) is an American billionaire whose net worth, as of July 2018, was estimated at around one billion dollars. He specializes in investments and advisory focusing on the extraction of precious metals. Kaplan is a collector and a philanthropist, who also created a charity dedicated to the preservation of wild cats. His Leiden Collection includes some 250 paintings and drawings created between the years 1620 and 1700.</p> <p style="text-align: center;">~</p> <p><i>On Paintings</i></p> <p>— <i>In 17th century Holland, a great interest in painting arose. Millions of works were produced by thousands of artists. And of these thousands, we only know a few.</i></p> <p>— This was a rather surprising phenomenon of creative enthusiasm. Three to five million paintings were created in a country in which only several million people lived.</p> <p>Of course, only a small portion of them are considered significant today. But this explosion of activity changed the world of art forever. Rembrandt, in my opinion, represents the most important artist of this time. André Malraux once observed that Rembrandt was the first artist “to touch the soul” with his painting. It’s a subjective statement, but I agree.</p> <p>The Master broke the bounds of convention and unleashed the freedom of the painter to rethink and redefine Beauty. His “genetic markers” can be found in almost all that we consider art today and indeed inspired Goya, Van Gogh, Picasso, Francis Bacon, and even modern Chinese artists.</p> <p>— <i>Why was the Dutch Golden Age so short, about half a century in total?</i></p> <p>— This is quite characteristic of the painting world. A genius appears, who inspires many, and then the spark goes out. Rembrandt and Vermeer are now considered the main figures of this era.</p> <p>— <i>Is it possible that, in time, the emphasis will shift and other names will appear?</i></p>		

— Carel Fabritius was on his way to reach Rembrandt's quality of work. He was his most talented pupil. Being able to acquire a piece by Fabritius today would amount to an incredible stroke of luck.

Jan Lievens was on par with Rembrandt when the two were sharing a workshop in Leiden. But in 1632, Rembrandt went to Amsterdam. He became a popular portraitist – money gave him freedom and he painted *Minerva in Her Study*, which is part of the exhibition. This turning point started his path to greatness and transcendence, which has transpired through the centuries.

Had Lievens died young, perhaps he would be considered today as an “unknown” or “unfulfilled” Rembrandt. *Boy in a Cape and Turban (Portrait of Prince Rupert of the Palatinate)* from our Collection bears witness to that. The Hermitage chose this particular painting as the “logo” for the exhibition. But Lievens went to London instead, hoping to become a court painter. He began to work in Van Dyck's studio and simply lost his passion and dramatic character.

~

On Collecting

— *It is believed that a museum, especially a national museum, tends to be a more appropriate place to keep masterpieces than a private collection (especially if held by the artist's heirs) – the fate of which can be unpredictable. Do you agree?*

— I can only speak for ourselves. Our goal is to retrieve works of art from these private spheres and to bring them back in the public domain.

— *If the paintings that you own ended up in a large museum, then many of them would go to reserves that rarely appear in exhibitions? Or am I wrong?*

— It all depends on the museum. The Hermitage certainly has enough Rembrandts, but I suspect that if our paintings were there, they would likely be on constant display.

— *A private collection normally reflects the tastes of the owner. A museum collection, especially if the museum is several decades old, is considered to be an objective reflection of art history. Is that correct?*

— The Leiden Collection does reflect our tastes, but we are deeply immersed in this specific period.

— *One can argue that, in time, with perseverance and success, a collector may be compared to the best museums. If not in quantity of works, then perhaps in quality?*

— That is our goal. Few museums own as many paintings by Rembrandt and his school as we do. Many museums do not have any works by Vermeer or Fabritius. Such is the challenge for the collector.

We have been incredibly lucky. Success prevailed over wisdom and other rational things. I fell in love with Rembrandt at the age of 6, when I was first exposed to his work. When we started our collection, I didn't think it would even be possible to acquire one of his works. Today we own 15 of them, which represents about half of such works currently in private hands.

— *What about the other half?*

— The owners won't let them go.

— *How did you manage to get so many works by Rembrandt?*

— Fifteen years ago, someone sold me a Rembrandt for less than the price of an Andy Warhol – even though there are around 70,000 works by Warhol, and only 350 by Rembrandt. My wife and I simply had a love and passion for Rembrandt and Dutch painting that others did not feel. We collected according to our tastes, buying on average one painting per week in the first few years. People would joke and tell us: “You’re collecting like Catherine the Great!”

— *They didn’t suspect it was for investment?*

— I never came across that opinion, and we don’t think that way ourselves. On the one hand, I didn’t think that we were making a financial mistake. But on the other hand, I never thought of acquiring paintings as an investment strategy.

Our interest in the Old Masters has only grown since then. It has become arguably impossible to assemble a collection comparable to ours. But it certainly remains feasible to collect different Old Masters.

— *Like whom, for example?*

— It is quite surprising, but one can find works by Velazquez to this day. El Greco, Titian... Opportunities do exist to act upon one’s love for the Old Masters.

— *Could one say that your acquisitions have pulled the paintings of the Dutch masters out of obscurity?*

— We did play a major part in the rehabilitation of Jan Lievens, and a clearly noticeable role for the *Fijnschilder* Gerrit Dou, Gottfried Schalken, and Ferdinand Bol. Though for Carel Fabritius, our contribution was much smaller than Donna Tartt’s novel *The Goldfinch*, of course.

— *If an analyst of Dutch art would want to examine a particular work whose authenticity he questions, would you let him?*

— Sure. The more we know about the paintings, the better.

— *Does collecting interfere with your work? Has it ever happened that you were engaged in an important project and an art dealer called?*

— It has happened, but I make decisions immediately. Once I was in Beijing for work. I had to leave a meeting in order to finalize a deal for the joint acquisition of *Young Woman Seated at a Virginal* by Vermeer and *Self-Portrait with Shaded Eyes* by Rembrandt, which were being sold in Las Vegas. I knew that I absolutely had to take that call. This painting represents the only Vermeer in private hands.

— *Your Chinese partners weren’t upset?*

— Not at all.

~

On the Public

— *Why do you think people go to museums?*

— For different reasons. I think that one of them is to appreciate Beauty. Many people want to feel culturally exposed; they want to see everything with their own eyes. Individuals draw a lot of inspiration from what they witness in person. Lastly, many seek relief from our tough and at times wicked world.

Beauty is a truth that unifies us. I believe that Dostoyevsky was absolutely correct when he stated that “beauty will save the world.” It’s not a naive observation. When Solzhenitsyn first heard it, he was surprised and puzzled. But later on, he very much agreed with Dostoyevsky.

— *Is “hype” good or bad?*

— I think that if the objective of an exhibition is to expose people to art, then it’s fine.

— *Why do Old Masters exhibitions draw larger crowds than shows focusing on the 19th century, let alone the 20th?*

— Because enchanting names such as Da Vinci or Rembrandt are involved. The public knows that these individuals are important artists. It’s in the DNA of the audience, if you will. One *has* to see them.

— *If it was up to you, will Warhol become an “enchanting” artist?*

— It’s too early to tell. For a Warhol collector, he’s already enchanting. But who knows what will happen, one hundred years from now.

The Dutch Golden Age included thousands of artists. For only one percent of them to survive is significant. Time determines fate. Rembrandt and Vermeer withstood the test of time. As for Warhol, maybe.

— *Is perception of the art of Old Masters in any way hindered by the modern youth’s habit of living in the virtual world?*

— I don’t know. I have three children. The youngest is 8 years old, and he’s better than me with new technology. I am a historian by training; the past is actually clearer and closer to me.

— *Virtual exhibitions have become quite popular in Russia. Specially created spaces show multimedia installations, for example presenting all known masterpieces of Impressionism. Establishing such a collection would not be possible in reality. What are your thoughts on these types of projects?*

— I think that’s good.

— *And would you agree to participate in them?*

— If our collection were to be supplemented by other private collections of Dutch masters – for example, a show featuring all of the works by Rembrandt in private collections.

— *Who would represent an ideal audience for your collection?*

— I don’t think there is such a thing as an ideal visitor per se. People come to the museum for different reasons. And I wouldn’t organize them in categories such as ideal, accidental, or other.